

Saati T. L. On the measurement of intangibles. A principal eigenvector approach to relative measurement derived from paired comparisons. *Cloud of Science*, 2015, vol. 2, no. 1, pp. 5–39. (In Russ.)

Смирнова А. М. Чат-боты на службе уголовно-исполнительной системы. *Информационные технологии в УИС*, 2023, № 3, с. 35–42. EDN: GEBNNC

Smirnova A. M. Chatbots in the service of the penal system. *Information technology in the penal system*, 2023, no. 3, pp. 35–42. (In Russ.) EDN: GEBNNC

Царькова Е. Г. Применение методов машинного обучения при создании программного комплекса обработки обращений граждан в ФСИН России. *Научно-технический вестник Поволжья*, 2024, № 2, с. 109–111. EDN: LEFBQJ

Tsar'kova E. G. Application of machine learning methods when developing a software package for processing citizens' appeals to the Federal Penitentiary Service of Russia. *Scientific and Technical Volga region Bulletin*, 2024, no. 2, pp. 109–111. (In Russ.) EDN: LEFBQJ

Сведения об авторе

Михаил Евгеньевич Рычаго – кандидат физико-математических наук, доцент; <https://orcid.org/0009-0008-0781-7933>, MErychago@fa.ru, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (д. 49/2, пр-т Ленинградский, 125167 Москва, Россия); **Mikhail E. Rychago** – Candidate of Physical and Mathematical Sciences, Associate Professor, <https://orcid.org/0009-0008-0781-7933>, MErychago@fa.ru, Financial University under the Government of the Russian Federation (49/2, pr. Leningradsky, 125167 Moscow, Russia).

Статья поступила в редакцию 05.03.2025; одобрена после рецензирования 19.03.2025; принята к публикации 02.04.2025.

The article was submitted 05.03.2025; Approved after reviewing 19.03.2025; Accepted for publication 02.04.2025.

Вестник Череповецкого государственного университета. 2025. № 3 (126). С. 72–82.
Cherepovets State University Bulletin, 2025, no. 3 (126), pp. 72–82.

Научная статья

УДК 81'42

<https://doi.org/10.23859/1994-0637-2025-3-126-6>

<https://elibrary.ru/oobqaz>

**Ирреалис в судебном дискурсе:
на грани семантики, прагматики и риторики**

Байрта Николаевна Аринова

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,

Москва, Россия,

b.arinova@ya.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5598-0718>

Аннотация. Цель работы – выявить дискурсивные функции условных предложений со значением ирреалис в письменном судебном дискурсе. На основе анализа аргументации в судебных отчетах судов Великобритании мы выделили две категории фрагментов. Было установлено, что в первой группе фрагментов в гипотетических рассуждениях суд, отказывая заявителю, апеллирует к возможным возражениям заявителя. Во второй группе фрагментов, касающихся толкования применимых норм, условные предложения со значением ирреалис описывают норму, которая, хотя и применима, но преодолевается другой нормой. Условные предложения со значением ирреалис являются важным инструментом формирования письменного судебного дискурса.

Ключевые слова: ирреалис, внешнее отрицание, гипотеза, дискурсивное взаимодействие, риторическое намерение, судебный дискурс, прагматическое значение условных предложений
Благодарность. Работа выполнена под руководством доктора филологических наук, профессора А. Г. Анисимовой.

Для цитирования: Аринова Б. Н. Ирреалис в судебном дискурсе: на грани семантики, прагматики и риторики // Вестник Череповецкого государственного университета. 2025. № 3 (126). С. 72–82. <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2025-3-126-6>; EDN: OOBQAZ

**Irrealis in judicial discourse:
points and counterpoints of semantics, pragmatics and rhetoric**

Bayrta N. Arinova

Lomonosov Moscow State University,

Moscow, Russia,

b.arinova@ya.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5598-0718>

Abstract. Based on the analysis of law reports we have identified two types of fragments where counterfactual conditional sentences show distinct pragmatic characteristics indicating specific discourse functions: they reinforce court's denial of parties' arguments, and they refer to a *weaker*

provision which is overcome by the other one (described by indicative forms). Thus, by introducing hypotheses in the form of counterfactual conditionals not only do judges 'twist and turn' the direction of discourse, but they also determine its scope by encouraging discursive interaction with the reader.

Keywords: irrealis, external negation, hypothesis, discursive interaction, rhetorical intention, judicial discourse, pragmatics of conditional sentences

Acknowledgements. The research was conducted under the supervision of Aleksandra G. Anisimova, Professor, Doctor of Philological Sciences, Lomonosov Moscow State University, Faculty of Philology.

For citation: Arinova B. N. Irrealis in judicial discourse: points and counterpoints of semantics, pragmatics and rhetoric. *Cherepovets State University Bulletin*, 2025, no. 3 (126), pp. 72–82. (In Russ.) <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2025-3-126-1>; EDN: OOBQAZ

Введение

Аргументация как процесс убеждения и доказывания присуща многим дискурсам. Ее риторическую силу и прагматические характеристики можно оценивать с точки зрения институциональных условий формирования и бытования дискурса, тематической или макроструктурной организации, т. е. композиции аргументативных схем¹. Вместе с тем, выявление общих и частных закономерностей на уровне высказываний или аргументативных ходов позволяет более точно интерпретировать риторические намерения субъектов коммуникации и выявить средства реализации этих намерений. В формировании судебного дискурса ведущая роль отводится судье: именно судьи определяют ход аргументации, стараются соблюдать баланс аргументации, соединяя факты, юридические правила, доводы сторон и свои суждения в тексте решения или судебного отчета. Цель данной работы – определить дискурсивные функции гипотетических утверждений, выдвигаемых судьями в процессе аргументации. Объектом исследования являются условные предложения с контрфактуальным значением (ирреалис). Наш анализ основан на исследовании семантики и прагматики условных предложений этой группы, что позволит интерпретировать риторические намерения говорящего и таким образом определить дискурсивные функции таких предложений.

Условные предложения со значением ирреалиса играют важную роль в судебном дискурсе, поскольку именно они демонстрируют направление рассуждения, информируют адресата о предпосылках решения судьи. В силу того, что значение условных предложений в большей степени определяется контекстом², за единицу анализа мы принимаем фрагмент судебного отчета – как правило, последовательность из нескольких предложений. Проанализировав 35 судебных отчетов, мы выделили два типа фрагментов, в которых условные предложения со значением ирреалиса соответствуют разным прагматическим значениям, а именно усиление возражения и

¹ Van Eemeren F. H. Argumentative patterns viewed from a pragma-dialectical perspective: Exploring the relationship between argumentative discourse and institutional context // *Prototypical Argumentative Patterns*. Cham: Springer International Publishing, 2018. P. 20–21.

² Jaszczolt K. M. Default semantics: foundations of a compositional theory of acts of communication. Oxford: Oxford University Press, 2005. P. 64.

консессиивность («преодоление общего принципа»). Возможность выделить такие значения указывает не только на внутреннюю диалогичность судебного дискурса, но и на то, что дискурсивное взаимодействие судьи и адресата, т. е. большая ориентированность на адресата, является одним из ключевых отличий судебного дискурса от других видов юридического дискурса.

Основная часть

Условные предложения со значением ирреалиса – это подвид условных предложений. Смещенные в прошлое грамматические формы (*backward shift of syntactic tense*) их структурных элементов обозначают не ассерции (выраженные индикативными формами – *notional tense*), а предположения. По этой причине грамматическое время *Past Perfect* в antecedенте не несет своего обычного значения предшествования, но выражает гипотетическое суждение. Употребление *Past Perfect* может также указывать на то, что говорящий не был очевидцем события и знает о нем от третьих лиц, или даже на то, что он вовсе не располагает надежной информацией о нем. Говорящий может знать о том, что antecedent ложный, или говорящий считает событие antecedenta лишь вероятным¹. При этом консеквент – это также предположение (*assumption*), и, таким образом, две части предложения связаны не на событийном уровне (*second order entities*), а на уровне суждений (*third order entities*). Знание или представление о событии antecedenta воспринимается как достаточное основание для вывода в консеквенте, в котором достигается коммуникативная цель говорящего – сообщить о выводе². Именно поэтому часто оспаривается тезис о причинно-следственной связи в условных предложениях с контрфактуальным значением. Б. Данцигер таким образом подчеркивает значение эпистемической модальности в условных предложениях со значением ирреалиса.

Р. ДеКлерк и С. Рид анализируют особенности толкования условных предложений с контрфактуальным значением относительно критерия истинности. Они утверждают, что «при толковании пропозиции с контрфактуальным значением относительно реального положения вещей, контрфактуальное значение подразумевает, что в реальном мире описываемые события будут представлены со знаком минус (т. е. реальному положению вещей будет соответствовать отрицательная версия событий в условном предложении)³.

If he had come [P], he would have met Jill [Q] – counterfactual;

He did not come [-P], he did not meet Jill [-Q] – real.

Они называют такое толкование условных предложений с контрфактуальным значением внешним отрицанием *external negation* («если соотносить (истолковывать) значение условных предложений с ирреалисом с действительным положением вещей, то ирреалис рассматривается как внешнее отрицание, которое приводит к отрицательному толкованию всей пропозиции)) – события в antecedente и консеквен-

¹ Dancygier B. Conditionals and prediction. Time, Knowledge, and Causation in Conditional Constructions. Berkeley: Cambridge University Press, 2003. P. 66–67.

² Там же. P. 86–88.

³ Declerk R., Reed S. Conditionals: a comprehensive empirical analysis. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2001. P. 105.

те интерпретируются как несовершенные (unfulfilled) или события, которые невозможно выполнить (unfulfillable).¹

Как можно при этом охарактеризовать коммуникативное намерение субъекта коммуникации? Антецедент – это пропозиция, выражающая допущение, которое говорящий считает истинным, а не фактическое утверждение, которое соответствует действительности (a closed world is a theoretical world treated as assumed to be identical to the actual world (this contrasts with a factual world, which is treated as being identical to the actual world))². Высказывая подобную пропозицию, говорящий демонстрирует свою готовность допустить истинность или ложность описанной в ней ситуации, несмотря на то, что сам он не уверен в том, что она истинна или, наоборот, ложна. Этот смысл в условных предложениях со значением ирреалиса передают формы эпистемической модальности и Past Perfect. Р. Деклерк и С. Рид считают, что таким образом говорящий изъявляет готовность приостановить неверие (suspension of disbelief).

Ч. Х. Элдер отмечает, что субъект может считать теоретическую ситуацию ложной или представлять ее таковой. По ее мнению, выстраивая рассуждение посредством условных предложений со значением ирреалиса, субъект коммуникации выражает сомнение в возможности того или иного положения вещей³.

К похожему выводу пришли Н. Акацука МакКоули и С. Штраусс – в процессе коммуникации субъекты, используя предложения с формами эпистемической модальности ('would have done / been'), предлагают (ирреальные) пропозиции для сравнения реальной ситуации и возможной (но не наступившей) ситуации и делают вывод о желательности наблюдаемого исхода ситуации, так как возможные иные сценарии привели бы к гораздо худшим последствиям⁴.

Приведенные выше особенности толкования условных предложений с контрфактуальным значением имеют решающее значение для анализа дискурсивных функций таких предложений в судебном дискурсе. Основные предпосылки нашего анализа включают:

- наличие внешнего отрицания как ключевого компонента семантики условных предложений с контрфактуальным значением;
- особенности связи между антецедентом и консеквентом, отражающей порядок гипотетического и логического вывода (inferential meaning), а не чисто причинно-следственные отношения;
- эпистемический статус условных предложений с контрфактуальным значением, который можно считать показателем коммуникативного намерения субъекта (проти-

¹ Declerk R., Reed S. Conditionals: a comprehensive empirical analysis. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2001. P. 107. 'When we interpret a counterfactual proposition in terms of the real world, counterfactuality functions like external negation which has scope over the entire polarized (negative or positive) proposition'.

² Там же. P. 81.

³ Elder C-H. Context, Cognition and Conditionals. Cham: Palgrave Macmillan, 2019. P. 250.

⁴ McCawley Akatsuka N., Strauss S. Counterfactual reasoning and desirability // Cause – Condition – Concession – Contrast: Cognitive and Discourse Perspectives. Berlin, Boston: De Gruyter Mouton, 2000. P. 205–234.

вопоставление возможных исходов события; консессивность; неодобрение и несогласие с возможными исходами).

Отрицательное толкование событий в условных предложениях (далее – УП) с контрфактуальным значением в судебной аргументации, на наш взгляд, может соответствовать различным коммуникативным намерениям. В данной работе мы анализируем два типа коммуникативных фрагментов: в первом – суд отказывает заявителю и апеллирует к возможным возражениям, рассуждая гипотетически; во второй группе фрагментов, касающихся толкования применимых норм, условные предложения со значением ирреалис описывают норму, которая, хотя и применима, но преодолевается другой нормой. Изучение прагматического значения УП с контрфактуальным значением невозможно вне контекста, поэтому единицами нашего анализа стали фрагменты, а не отдельные предложения.

Обращаясь к первому типу фрагментов, необходимо отметить, что мы анализируем отказ суда как прагматическое отрицание (*denial*), которое отличается от логического отрицания (*negation*). Прагматическое отрицание не является ассерцией, его основная функция – опровергнуть уже известную (ранее озвученную) информацию, т. е. оно вытесняет эту информацию из дискурса. Последнее может означать то, что говорящий будет «поправлять» собеседника, давая пояснение, чтобы «перестроить» первоначальное высказывание и таким образом повлиять на мнение собеседника, изменить его восприятие ситуации.

Выдвигаемые пропозиции (пояснения-поправки) в виде условных предложений со значением ирреалиса могут отражать иную трактовку событий, отношение говорящего к первоначальному событию, оценку ситуации, новые допущения, что несомненно будет менять направление коммуникации.

С другой стороны, в ситуации, когда говорящий возражает или отрицает некий довод, он обращается к собеседнику, что дает последнему возможность ответить утвердительно или отрицательно. Другими словами, анализируя прагматическое значение условных предложений со значением ирреалиса, мы сможем выявить лингвистические механизмы построения судебного дискурса.

Непринятие довода или несогласие не возникает изолированно или само по себе, оно всегда следует за уже прозвучавшей репликой (ассерцией) – его можно назвать отзвуком последней. Отрицая или опровергая уже известную ассерцию, говорящий исходит из предположения о том, что предположение адресата ошибочно и поэтому пытается исправить неверное представление¹. Поясняя свое возражение, судья обращается к тому, что было сказано ранее – доводам сторон – и выявляет те ассерции, которые, по его мнению, *ошибочны* и «исправляет» их. Обращая внимание адресата на несоответствия между утверждаемым и реальным положением вещей, судья отвечает на возможные возражения заявителя.

Проанализируем фрагмент 1:

[s1] There was nothing in the “loss of control” defence to suggest that [s2] Parliament intended, somehow, that the normal rules which applied to voluntary intoxication should

¹ Givón T. Negation in language: Pragmatics, function, ontology // Syntax and Semantics. 1978. Vol. 18. P. 59–116.

not apply. [s3] If such had been the intention of Parliament, it would have been spelled out in unequivocal language¹.

Схематически его можно представить следующим образом (см. схему 1):

Негация / отрицание судьи [s1]

└─ (Довод стороны) [s2]

└─ Усл. предложение (со значением ирреалиса) [s3]

Отрицательная интерпретация событий в УП указывает, прежде всего, на несоответствие утверждения [s2] действительности и, как следствие, эта интерпретация усиливает отрицание (отказ суда) и влияет на то, как данное утверждение [s2] воспринимает адресат. Мы, как читатели, интерпретируем его как несоответствующее действительности в силу несоответствия, выраженного в условном предложении [s3].

[s2] – the normal rules which applied to voluntary intoxication should not apply.

[s3] – If such had been the intention of Parliament, it would have been spelled out in unequivocal language.

Анализируя семантику ирреалиса, Р. Деклерк и С. Рид писали о «расширительном отрицании», которое подразумевает, что отрицательная интерпретация антецедента означает, что и консеквент будет иметь отрицательную интерпретацию. Когда судья включает в рассуждение условное предложение со значением ирреалиса, это влияет на толкование опровергаемого утверждения [s2], в результате не только само условное предложение, но и рядом стоящие предложения [s2] получают отрицательную трактовку.

Во втором фрагменте мы видим похожую последовательность предложений, но вместо полных условных предложений используются предложения с конструкциями эпистемической модальности.

[s1] Довод заявителя. [s2] Судья выражает несогласие с доводом заявителя [s1]. Следующее утверждение [s3] противоположно по смыслу [s1] – это его отрицательная трактовка, которая также является частью возражения судьи. Следующая за ним [s4] конструкция ‘would have been’ описывает маловероятный (отдаленный) исход [s1] – т. е. подтверждает / усиливает возражение судьи.

Фрагмент 2: [s1] The applicants submitted that, in the absence of some legislative provision for the manner in which a partnership should be indicted, it was simply not possible to give effect to the legislative intent that partnerships should be susceptible to the criminal legal process. [s2] Their Lordships did not agree. [s3] The appropriate procedure was obvious. [s4] It would have been quite wrong to frustrate the legislative intention by failing to adopt it simply because it had not been enshrined in a rule.²

¹ The Times. URL: <https://www.thetimes.com/article/intoxication-and-the-defence-to-murder-of-loss-of-self-control-p2brplwmjhn> (дата обращения: 27.04.2024).

² The Times. URL: <https://www.thetimes.com/article/partners-are-not-liable-for-crimes-of-partnership-255r0w7rzsz> (дата обращения: 27.04.2024).

Гипотезы [s4] и отрицательная трактовка событий в [s4] также влияют на трактовку исходного аргумента, т. е. меняют ее на отрицательную.

Суммируя, нужно отметить, что гипотезы оказывают непосредственное воздействие на адресата и его восприятие и толкование позиции суда. Не являясь утверждениями, гипотезы можно рассматривать как попытку заранее оценить реакцию адресата, предвосхитить возможные возражения или указать на слабые стороны его заявлений. В обоих примерах, рассуждая гипотетически, судья указывает на несоответствия или нежелательное развитие событий, упущенные из виду заявителем. Иными словами, гипотезы предвещают или «обрамляют» отказ судьи.

Во второй категории фрагментов судья дает оценку ситуации с точки зрения законодательных требований, в частности это случаи, когда возникают вопросы относительно применения норм. Как правило, в таких фрагментах судьи трактуют определенные обстоятельства через призму законодательных требований. С точки зрения синтаксической структуры фрагмента условные предложения сигнализируют отступление от линейного (фактического) повествования, которое выстраивается при помощи утвердительных предложений с индикативными глагольными формами. Если последние описывают фактическую (действительную) информацию, то условные предложения со значением ирреалиса указывают на то, что ожидаемое развитие ситуации – это не более чем возможность, т. е. в действительности обсуждаемая ситуация получила другое развитие или обоснование.

Рассмотрим фрагмент 3:

The issue was the effect of section 55 on the legality of the claimant's detention. At the time of the detention the secretary of state had acted in the mistaken but reasonable belief that he was aged over 18. It was now agreed that he was aged 17. If his true age had been known he would not have been detained, because his detention would have been contrary to the secretary of state's policy in relation to minors. The secretary of state relied for justification of the claimant's detention on the statutory power of detention created by paragraph 16 of Schedule 2 to the 1971 Act.¹

В данном фрагменте говорится о том, что задержание было осуществлено по ошибке, хотя уполномоченные лица действовали исходя из разумных предположений о возрасте задержанного. Позже было установлено, что задержание стало нарушением раздела 55, так как возраст задержанного отличался от установленного законом. Далее судья описывает то, как сложилась бы ситуация в соответствии с требованиями раздела 55 – условное предложение со значением ирреалиса. В заключительном предложении говорится, что основанием для задержания были положения другого законодательного акта. Соответственно, адресат (читатель) может сделать вывод о том, что действия уполномоченных лиц в рассматриваемой ситуации могут регулироваться разными законодательными положениями. Описывая развитие ситуации в условном предложении со значением ирреалиса, судья указывает на то, что требования одного регулирующего акта (Section 55) не были выполнены.

¹ The Times. URL: <https://www.thetimes.com/article/mistake-over-age-of-detainee-pn68s8rspbf> (дата обращения: 27.04.2024).

Учитывая, что следующее предложение (с индикативом) описывает другие законные основания, значение ирреалиса в первой части фрагмента описывает первую трактовку как обстоятельство, «преодолеваемое» (как препятствие) требованиями другого раздела (par.16 of Schedule 2). Иными словами, речь идет об уступительной связи между двумя смысловыми частями фрагмента. Структуру фрагмента можно представить следующим образом:

[несмотря на S1 = The issue was ... If his true age had been known ... he would not have been detained], [S2 = The secretary of state relied for justification of the claimant's detention on the statutory power of detention created by paragraph 16 of Schedule 2 to the 1971 Act].

В более широком смысле S1 в данном фрагменте описывает нарушение ожиданий адресата: трактовка 1 описывает естественный¹ (ожидаемый) ход событий, который нарушается, и нарушение хода событий «вытесняется» основанием 2. Таким образом, судья, признавая справедливость первого допущения (трактовка 1), все же считает, что основания в силу других требований «преодолевают» справедливость трактовки 1. Следовательно, судья апеллирует к частному случаю юридической трактовки такой ситуации, показывая, что существует не одно, а множество юридических «пространств» (контекстов) для одной и той же ситуации. Это также иллюстрирует фрагмент 4: судья анализирует вопрос об экстрадиции в соответствии с European Arrest Warrant (трактовка 1).

Формулируя комментарий о применении European Arrest Warrant в виде условного предложения со значением ирреалиса [S2], судья указывает на расхождение между рассматриваемой ситуацией и порядком действий, предусмотренным данным документом. Отрицательное толкование этого предложения подводит читателя к отрицательному выводу о [S1]: “box 3.4 of European Arrest Warrant had not been ticked, it was not mandatory to extradite the appellant”. Продолжая далее комментарий описанием полномочий суда в соответствии с Act of 2003 [S3], судья показывает, что пункт 3.4 European Arrest Warrant не является исключительным или единственным возможным регулирующим положением.

Фрагмент 4:

The point arises in circumstances where box 3.4 in point (d) of the EAW was not ticked by the issuing judicial authority. If it had been ticked, then subject to the appellant's extradition being compatible with the Convention rights within the meaning of the Human Rights Act 1998, it would have been mandatory for the executing judicial authority to extradite the appellant. However, where, as here, box 3.4 has not been ticked there remains discretion for the executing judicial authority to order the appellant's extradition: article 4a(1). The discretion is to be exercised in accordance with section 20(5) of the 2003 Act and in compliance with the Convention.²

¹ Апресян В. Ю. Уступительность: механизмы образования и взаимодействия сложных значений в языке. Москва: Языки славянской культуры, 2015. С. 34.

² Supreme Court. URL: <https://www.supremecourt.uk/cases/docs/uksc-2022-0127-judgment.pdf> (дата обращения: 27.04.2024)

Смысловая граница в данном фрагменте обозначена союзом ‘however’, который вводит новую информацию (другие положения, дающие судам усмотрение), противопоставляемую по смыслу первой части фрагмента, смещая акцент на вторую его часть. Риторическое намерение судьи при этом можно истолковать как стремление подчеркнуть весомость второй части, т. е. иных положений кроме пункта 3.4 EAW (European Arrest Warrant). Можно сказать, что судья настаивает на второй части фрагмента и тем самым преуменьшает, но и не отрицает значение первой части. Это позволяет сделать предположение о том, что первая часть фрагмента выполняет роль консессива, и условно схему абзаца можно представить как: [Хотя S1-S2, однако S3].

Так называемая (риторическая) весомость также проявляется в грамматическом оформлении фрагмента – индикативные формы, безусловно, относятся к сильным формам, в отличие от условных предложений со значением ирреалиса, которые не имеют отношения к событийному плану высказывания.

Выводы

Анализ фрагментов судебных отчетов показал следующие дискурсивные функции УП с ирреалисом: усиление возражения и консессив. Фиксируя процесс рассуждения субъекта коммуникации, условные предложения этой подгруппы не только обозначают присутствие говорящего, но и его обращение к слушающему, следовательно, гипотезы – это средство дискурсивного взаимодействия (воздействия на адресата). Расширенное отрицание – основную семантическую характеристику условных предложений с контрфактуальным значением – можно отнести к определяющему признаку дискурсивных функций таких предложений в рамках высказывания.

Проанализировав серию примеров, мы установили, что расширенное отрицание условных предложений влияет на толкование предшествующих им предложений, и это позволило выделить в судебных отчетах как минимум два типа фрагментов, которые соответствуют риторическим намерениям говорящего. В первой категории фрагментов условные предложения с ирреалисом усиливают возражение говорящего из-за явного несоответствия ассерции и предлагаемого вывода. В другой – они берут на себя роль риторического консессива, который выражает менее важную для говорящего информацию. Судья не только совершает логические операции, но, прежде всего, сообщает об этом адресату – это основная коммуникативная составляющая условных предложений с ирреалисом. Вследствие этого адресат может пересмотреть свое толкование тех или иных выводов относительно событий. Это, в свою очередь, подтверждает то, что условные предложения со значением ирреалиса являются инструментами проспективного взаимодействия судьи (субъекта коммуникации) и адресата. Включая гипотезы в аргументацию, судья не только может указать на несоответствия в выводах, но и предвосхитить возможные вопросы или возражения адресата. Можно также заключить, что судья таким образом стремится достичь нейтрального (непредвзятого) повествования.

Кроме того, условные предложения со значением ирреалиса – это способ выстраивания концептуальных пространств в судебном дискурсе. Иными словами, выстраивая гипотезы, судья также модифицирует дискурс, расширяя его или, наоборот, сужая его направление. Это не только подтверждает то, что условные предложения

являются средствами реализации когнитивной функции языка, но и служат рулевым инструментом для более точного определения границ и целей формирования дискурса.

Список литературы / References

Апресян В. Ю. *Уступительность: механизмы образования и взаимодействия сложных значений в языке*. Москва: Языки славянской культуры, 2015. 288 с.

Apresian V. Ju. *Concessionality: mechanisms of formation and interaction of complex meanings in language*. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury, 2015. 288 p. (In Russ.)

Dancygier B. *Conditionals and prediction. Time, Knowledge, and Causation in Conditional Constructions*. Berkeley: Cambridge University Press, 2003. 225 p.

Declerck R., Reed S. *Conditionals: a comprehensive empirical analysis*. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2001. 536 p.

Elder C-H. *Context, Cognition and Conditionals*. Cham: Palgrave Macmillan, 2019. 279 p.

Givón T. Negation in language: Pragmatics, function, ontology. *Syntax and Semantics*, 1978, vol. 18, pp. 59–116.

Jaszczolt K. M. *Default semantics: foundations of a compositional theory of acts of communication*. Oxford: Oxford University Press, 2005. 279 p.

König K. Concessive clauses. *Concise encyclopedia of grammatical categories*. Oxford: Elsevier, 1999, pp. 81–85.

McCawley Akatsuka N, Strauss S. Counterfactual reasoning and desirability. *Cause – Condition – Concession – Contrast: Cognitive and Discourse Perspectives*. Berlin, Boston: De Gruyter Mouton, 2000, pp. 205–234.

Supreme Court. Available at: <https://www.supremecourt.uk/cases/docs/uksc-2022-0127-judgment.pdf> (дата обращения: 27.04.2024).

The Times. Available at: <https://www.thetimes.com/article/intoxication-and-the-defence-to-murder-of-loss-of-self-control-p2brplwmjhn> (дата обращения: 27.04.2024).

The Times. Available at: <https://www.thetimes.com/article/mistake-over-age-of-detainee-pn68s8rspbf> (дата обращения: 27.04.2024).

The Times. Available at: <https://www.thetimes.com/article/partners-are-not-liable-for-crimes-of-partnership-255r0w7rzs> (дата обращения: 27.04.2024).

Van der Sandt R. Negation: semantic aspects. *Encyclopedia of Language and Linguistics*. Oxford: Elsevier, 2005, pp. 570–577.